

Концептуальные маневры постнеолиберальной экономической политики, или Почему «профессора» больше не нужны «антрепренерам»

Толкачев Сергей Александрович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: tsa2000@mail.ru

Цитирование: Толкачев С.А. (2026). Концептуальные маневры постнеолиберальной экономической политики, или Почему «профессора» больше не нужны «антрепренерам». *Terra Economicus* 24(1), 6–21. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-6-21

Статья посвящена рассмотрению причин, по которым современная западная экономическая теория – неоклассический мейнстрим – утратила экспертно-аналитическую и прогностическую роль в практической экономической политике. Три последние президентские администрации США не полагаются на академических ученых («профессоров» в терминологии Кругмана) при обосновании экономической политики, а доверяют ее так называемым «политическим антрепренерам», не имеющим никакого веса в академической среде. Приведен пример фундаментального провала рекомендаций «профессоров» в вопросе одобрения вступления Китая в ВТО. Вскрыт фактор академического монополизма экономистов мейнстрима, прежде всего американских, на примере публикаций в ведущих журналах и Нобелевских премий как причина деградации и оторванности исследований от реальной экономической политики. Предложен к переосмыслению вопрос об идеологической функции экономической теории. Показано, что любая экономическая теория отражает идеологические воззрения, ценности и интересы субъектов экономической политики. Отрицание этой закономерности неоклассическим мейнстримом нужно трактовать как антинаучный подход. Проанализированы теоретические основы взглядов С. Мирана, председателя Совета экономических консультантов во второй администрации президента Байдена, расходящиеся с мнением подавляющего большинства «профессоров». Высказывается предположение, что радикализм, брутальность и «антинаучность» трампономики 2.0 с точки зрения академического истеблишмента США на самом деле отвечает экономическим интересам и идеологическим пристрастиям формирующегося нового элитного слоя американского капитала – «индустриальным цифровикам», чьи представления об экономическом мироустройстве воплотятся в обозримом будущем в новую экономическую теорию.

Ключевые слова: ортодоксия; гетеродоксия; экономическая теория; экономическая политика; неолиберализм; байденомика; трампономика; мирохозяйственный уклад

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета. Автор выражает благодарность студентам Финуниверситета А.А. Смирнову и А.О. Судаковой за помощь в сборе материалов для статьи.

Conceptual maneuvers of post-neoliberal economic policy or Why “professors” are no longer needed by “entrepreneurs”

Sergey A. Tolkachev

Financial University, Moscow, Russia, email: tsa2000@mail.ru

Citation: Tolkachev S.A. (2026). Conceptual maneuvers of post-neoliberal economic policy or Why “professors” are no longer needed by “entrepreneurs”. *Terra Economicus* 24(1), 6–21 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-6-21

The article examines the reasons for the diminished role of contemporary Western economic theory, specifically the neoclassical mainstream, in providing expert, analytical and predictive support for the practice of economic policy. Over the past three presidential administrations in the United States, policymaking has increasingly been delegated to so-called “political entrepreneurs” rather than relying on academic scholars, or “professors”, as characterized by Paul Krugman. A notable example of the failure of “professors” recommendations is the approval of China’s accession to the World Trade Organization (WTO). The article highlights the issue of academic monopolism within the mainstream economic community, particularly among American economists, as a contributing factor to the disconnection between theoretical research and real-world policy implementation. This monopolism is evidenced by the dominance of certain publications in leading academic journals and the concentration of Nobel Prizes within a narrow circle of scholars. I also address the ideological function of economic theory, arguing that any economic framework inevitably reflects the ideological perspectives, values, and interests of politicians. The neoclassical mainstream’s denial of this inherent ideological dimension is criticized as an anti-scientific stance. The theoretical underpinnings of Stephen Miran, who served as the Chairman of the Council of Economic Advisers under President Biden’s second administration, are contrasted with those of the majority of “professors”. The article suggests that Trump 2.0’s perceived radicalism and austerity and anti-science nature, as seen from the perspective of US academics, aligns with the economic interests and ideologies of an emerging elite in America, the “digital industrialists”. It is anticipated that the vision of these digitalists for the economic order will shape a new economic theory in the foreseeable future.

Keywords: economic orthodoxy; heterodoxy economics; economic policy; neoliberalism; Bidenomics; Trumponomics; world economic mode

Acknowledgement: The article was supported by the state assignment of the Financial University. The author thanks the students of the Financial University A.A. Smirnov and A.O. Sudakova for their assistance in collecting materials for the article.

JEL codes: B10; B13; B59

Введение

Политико-экономический подход определяет стадийные перемены в мирохозяйственном развитии (Глазьев, 2022) на основе качественных изменений в производительных силах и способах организации производственных процессов, а также с помощью идентификации перемен в политико-идеологической функции экономической теории, обслуживающей экономическую политику, природа которой циклична (Толкачев, 2024). В этом смысле уже давно предсказанный

крах неолиберального мирового порядка (Rodrik, 2006) зафиксирован в виде отказа трех последних администраций США (начиная с первого срока Д. Трампа) от неолиберальных доктрин экономической политики.

Как «трампономика» с ее brutальным протекционизмом, так и особенно «байденономика», дополнившая этот протекционизм настоящей промышленной политикой, не оставили никаких шансов на сохранение неолиберального дискурса. Причем администрация президента Байдена в этом плане пошла даже дальше Трампа, объявив устами помощника по национальной безопасности Дж. Салливана об окончательной смерти «Вашингтонского консенсуса» и необходимости поиска новой доктрины глобального регулирования¹. Байденономика, несмотря на свою сверхкраткую историю (год с небольшим)², оставила глубокий концептуальный след, так как провозгласила окончательный отказ от неолиберализма и попытку возврата к великой эпохе рузвельтианско-кейнсианского консенсуса (Толкачев, 2023).

Первый срок Трампа был настолько ошеломительный и непонятный для всего истеблишмента, что не получил внятной концептуализации: первая попытка Трампа отказаться от глобализма расценивалась просто как сумасбродство и безграмотность. Трампономика 2.0 только начинает приобретать свои концептуальные очертания, ибо Д. Трамп прокладывает свою политику не на основе теоретических концепций, а путем практических преобразований рушащегося глобального мира (Толкачев, Анисимова, 2025).

Между тем любая экономическая политика для придания ей авторитета в глазах избирателей должна опираться на определенные научно обоснованные принципы, концепции и смысловые ценности, имеющие заверченный вид в виде той или иной стройной теории. Собственно, именно данная функция экономической науки обеспечила ей тот престиж и общественный почет в середине XX в., который она стремительно теряет с начала XXI в. Доверие и уважение к проводимой в США экономической политике в 1940–1970-е гг. базировались не только на высоких темпах роста экономики, но и на «интеллектуальной имплантации» экономической теории кейнсианства в умы политиков, бизнесменов и ученых в виде «кейнсианско-рузвельтианского консенсуса» (Galbraith, 1981). Кризис кейнсианства и неоконсервативная революция 1980-х гг. выдвинули неолиберальный консенсус, отлитый в 1989 г. Дж. Уильямсоном в известную совокупность принципов «Вашингтонского консенсуса» (Williamson, 2000), который стал выполнять аналогичную роль. Сегодня пустующую интеллектуальную лакуну организующей модели экономической жизни западного мира пытаются занять новые идеи и концепции (Rodrik, 2024). Соответственно, пересматриваются традиционные неоклассические подходы к взаимоотношению экономики и политики (Левин, Саблин, 2024).

Все более популярными в научной литературе становятся попытки обоснования преодоления существующей ортодоксии (Ядгаров, Орлова, 2024) и актуализации неортодоксальных оснований экономической теории (Ядгаров, Орлова, 2022). Встречаются попытки пересмотреть некоторые базовые положения самой ортодоксии, например кривой Филлипса (Петухов, 2025). Переход к цифровой экономике побуждает к переосмыслению фундаментальных основ не только экономической теории, но и финансов (Панова, Ларионова, 2023).

Н.Г. Мэнкью в своей нашумевшей статье «Макроэкономист как ученый и инженер», где придал макроэкономике статус инженерной дисциплины, по этому поводу удачно сослался на Дж.М. Кейнса, который еще более изящно выразился, что было бы чудесно, если бы экономистам удалось убедить людей воспринимать их в качестве скромных компетентных профессионалов, как, например, зубных врачей (Mankiw, 2006: 44). Данные «компетентные профессионалы» должны придавать ореол уверенности и надежности экономической политике каждого нового руководителя страны.

Размышляя в этом же русле, Пол Кругман (Krugman, 1994) подразделяет класс экономистов на «профессоров», или серьезных академических исследователей, и «политических антрепренеров», характеризуя последних как людей, которые ставят во главу угла популярность и готовые

¹ Remarks by national security advisor Jake Sullivan on renewing American economic leadership at the Brookings Institution. The White House. April 27, 2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (accessed on July 24, 2025)

² Официально термин «байденономика» был запущен в июне 2023 г., с началом предвыборной программы Дж. Байдена, и завершил свое практическое существование в ноябре 2024 г., после поражения от Д. Трампа.

решения, а не строгий научный анализ. Он предполагает, что политические деятели могут эффективно влиять на общественное мнение и политику, но их работам часто не хватает глубины и тонкости академического экономического анализа.

Кругман, по нашему мнению, сам превратившийся после получения Нобелевской премии по экономике 2008 г. в такого «антрепренера», в книге 1994 г. укорял в недостатке академизма, например, Джона Кеннета Гэлбрейта. Обвинения в «антрепренерстве» достались тогда и многим другим представителям академического истеблишмента, причем как консервативного толка (сторонники теорий «экономики предложения»), так и либерально-прогрессивного (сторонники теорий «стратегических отраслей» в администрации Б. Клинтона) направления, к которому себя относит сам Кругман.

Вышедшие в то время рецензии на книгу Кругмана отмечали как необъективность и тенденциозность его размышлений, так и глубокие смыслы, заложенные в ней. «Одна из проблем, с которой сталкиваются “профессора”, заключается в том, что их рекомендации по политике слишком часто формулируются из научных выводов, основанных на крайне упрощенных моделях. Другая проблема заключается в том, что их исследования зачастую слишком абстрактны или основаны на настолько сильных допущениях, что их рекомендации оказываются неактуальными» (Dodd, 1994: 64).

Итак, «антрепренеры» третировались «профессорами» за недостаточную научную глубину и идеологическую ангажированность их рекомендаций. Долгие годы общественный пиетет к «профессорам» базировался в том числе на представлении об объективном характере вырабатываемых ими знаний и рекомендаций, находящихся якобы выше идеологических пристрастий. Но накопившиеся за годы кризиса неоклассической экономической теории провалы в экспертно-прогнозной деятельности привели к переосмыслению самой роли идеологии в экономической науке.

Переосмысление идеологической компоненты экономической теории

Любая экономическая теория помимо объяснительной, методологической, практически-прогностической обязательно выполняет еще и идеологическую (апологетическую) функцию³. Последняя призвана пропагандировать целесообразность экономической политики, проводимой правящими кругами, в глазах широкой общественности. Именно данную функцию эксплуатируют «антрепренеры», используя доступную для масс фактологию и несложные функциональные схемы и зависимости, описывающие текущие экономические проблемы. Конечно же, традиционно «профессора» со своих научных вершин снисходительно посмеивались над несложными построениями «антрепренеров», находя их неглубокими и идеологичными! Но с крахом академического реноме «профессоров», с потерей доверия к практико-прогностическому потенциалу их теорий вопросы идеологической доминанты подлежат переоценке именно с научно-методологической точки зрения.

Более того, практическая бесплодность неоклассики побуждает многих авторов обвинять именно «профессоров» в превалировании идеологии над научно-практическим компонентом в их теориях. Например, даже «методологическая гордость» неоклассики – теория рационального выбора – традиционно рассматривалась как образец объективности в науке, но Дункан К. Фоли⁴ подвергает критике этот принцип. Он показывает, что «рациональность» – это не универсальная научная предпосылка (принцип), а идеологический инструмент, встроенный в философскую и политическую традицию, направленную на легитимацию капиталистических институтов. Основной тезис его статьи – в том, что рационально-агентская теория не столько объясняет поведение, сколько создает иллюзию неизбежности существующего порядка, и потому ее содержание лежит не в сфере методологии науки, а в мировоззренческой и идеологической сферах.

Схожую позицию занимает Р. Стерн (Stern, 2022), анализирующий фундаментальные дилеммы, сопровождающие развитие экономической науки, и утверждающий, что эти дилеммы являются отражением напряженной связи между экономикой, идеологией и властью. Он вводит два ключевых понятия – «экономизм» и «сциентизм» – как идеологические силы, деформирующие теоретическое ядро дисциплины. «Экономизм», тенденция редуцировать сложные общественные процессы к упрощенным экономическим моделям, возникает, когда в экономической тео-

³ В советских учебниках идеологическая функция маскировалась под партийный (классовый) характер политэкономики.

⁴ Foley, D. (2003). Rationality and ideology in economics. New School University, Department of Economics, March 19. <https://www.newschool.edu/nssr/faculty/duncan-k-foley/> (accessed on July 24, 2025)

рии рыночные механизмы рассматриваются как универсальный и естественный способ организации человеческой жизни. Это приводит к тому, что ценности эффективности и рационального выбора вытесняют дискуссии о справедливости, власти, социальной структуре. «Сциентизм», т.е. склонность экономики подражать естественным наукам за счет формализации, математической строгости и эмпиризма в ущерб содержательной аналитике, оттесняет глубокое понимание социальных процессов. Стерн подчеркивает, что сциентизм не является нейтральным инструментом, это идеология, закрепляющая приоритет определенных типов знаний и исключая другие.

Стерн заключает, что дилеммы экономизма и сциентизма, усиливающие отчуждение экономической теории от социальной реальности, являются результатом идеологических влияний, встроенных в саму структуру экономического знания. Чтобы экономика могла выполнять общественно значимую и критическую функцию, необходим отказ от иллюзии нейтральности, включения вопросов власти, распределения, моральной ответственности и институциональной специфики в центр экономического анализа.

Схожие мысли высказывает российский ученый Е.В. Балацкий, выделивший четыре признака и семь групп причин так называемого парадокса научности, «согласно которому удовлетворение всем строгим критериям научности не позволяет нынешнему экономическому знанию дать эффективный ответ на вызовы современности» (Балацкий, 2022: 1). Существование парадокса научности на фоне хронической неспособности экономической науки выполнять свои прогнозно-практические функции свидетельствует о том, что она находится уже более 30 лет в безысходном глобальном методологическом тупике, выходом из которого он считает создание новой социальной науки – социономики.

Исчезновение научной базы мейнстрима заставляет обращаться к иным парадигмам практического регулирования экономики. Так, Стивен Коэн и Дж. Брэфорд ДеЛонг (Cohen, DeLong, 2016) рассматривают концепт «конкретной экономики» как манифест возвращения к прагматической экономической политике в духе Гамильтона. В рецензии на эту книгу отмечается, что авторы стремятся вытащить экономический дискурс из логико-эмпирического вакуума, в который, по их мнению, он погрузился (Field, 2017). Рецензия А. Филда, которая является одновременно полноценной статьей, опровергает тезис о якобы доидеологическом характере экономической теории и политики до 1980 г. Филд приходит к выводу, что попытка Коэна и ДеЛонга реабилитировать государственное вмешательство через ретроспективную модель «конкретной экономики» – важная, но не беспроблемная. Он считает, что даже прагматическая политика не может быть свободной от идеологических влияний. Тем самым рецензент заново проблематизирует понятие «идеологическое мышление» и призывает к пересмотру стандартных подходов к роли идеологии в экономике.

Этот вопрос тем более важен, что специальное исследование (Austin, Wilcox, 2007) показало, что именно в США (в отличие от России) политические взгляды и убеждения влияют на экономические суждения. На основе опросов и других инструментов экспериментальной экономики авторы доказали, что в США политические предпочтения коррелируют с экономическими взглядами, а в России – нет. Если восприятие экономической реальности не является нейтральным, а опосредовано политической идеологией, встает закономерный вопрос о границах рациональности в экономическом мышлении и обосновывается более чувствительная к этическим понятиям контекстная экономическая политика.

В работе А. Козловски и Т. Ван Гунтена (Kozlowski, Van Gunten, 2023) доказано, что идеология играет ключевую роль в формировании экспертных убеждений экономистов. Авторы ссылаются на эмпирические исследования, демонстрирующие корреляцию между политическими предпочтениями экспертов и их суждениями по «спорным» вопросам. Например, экономисты с либертарианскими убеждениями склонны недооценивать эффект государственного регулирования и завышать эффективность рыночных механизмов. В то же время левоцентристские экономисты больше склонны признавать внешние эффекты и важность вмешательства. Но независимо от лагеря, уверенность остается высокой – идеология усиливает ощущение объективности там, где на самом деле имеет место интерпретация.

Концептуальное переосмысление роли идеологии в экономике представлено и в работе Т.Х. Джо (Jo, 2022), который настаивает на том, что идеология – это не внешнее искажение на-

уки, а неизбежный, продуктивный и необходимый элемент любой экономической парадигмы. Поскольку идеология – это система ценностей, норм, целей и предположений, которые направляют и структурируют мышление, то экономическая теория – как ортодоксальная, так и гетеродоксальная – всегда опирается на эти «внесистемные» основания. Игнорирование идеологии создает иллюзию нейтральности и научной объективности, а эта иллюзия, в свою очередь, приводит к воспроизводству господствующих структур.

Так, неоклассическая ортодоксия, выпячивая свою «внеидеологичность», на самом деле маскирует под науку глубоко политизированные и нормативные суждения. Такие категории, как рациональность, равновесие, эффективность, универсальность агентов, представляются как научные факты, но на деле отражают определенную ценностную систему – индивидуализм, конкуренцию, рыночную свободу. Таким образом, ортодоксия действует как идеологический аппарат, поддерживающий статус-кво и подавляющий альтернативы. Она подавляет не только политическую критику, но и возможность размышлять о том, что считается реальным, возможным и желательным в обществе.

Наоборот, признание идеологии – это путь к научной честности и политической рефлексии. Джо настаивает, что экономическая теория – это не просто описание «объективной» реальности, а активная практика, которая формирует социальные нормы, управляет ожиданиями и влияет на институциональные изменения. Любая экономическая концепция работает не в абстрактном вакууме, а внутри системы власти, интересов и идеологий. Следовательно, задача альтернативной экономической теории – не только понять общество, но и участвовать в его трансформации. Это требует сознательной работы с идеологией как формой политического мышления и научного самоопределения.

Итак, идеология настолько глубоко вплетена в механизм экономической теории, причем как господствующей ортодоксии, так и гетеродоксальных направлений, что отрицание ее статуса становится антинаучным. В этом плане показателен пример самого П. Кругмана, который проделал наиболее яркий путь от «объективного» ученого к видному либеральному пропагандисту (Krugman, 2007). Область исследований, за которую он получил Нобелевскую премию, – теория международной торговли – является одной из самых «идеологичных» сфер экономической теории. В рецензии на его книгу 1994 г. еще превалировал «антиидеологический» подход к проблеме: «Хотя сам Кругман – один из “профессоров”, чьи идеи высмеяли сторонники стратегической торговли, он может справедливо отметить, что всегда выступал против практики стратегической торговли. Он убедительно доказывает, что идея “международной конкурентоспособности” – это, по сути, лишь очередная версия меркантилистского заблуждения, основанного на ошибочном представлении о том, что государства конкурируют так же, как корпорации» (James, 1995: 114).

Замечание насчет так называемого «меркантилистского заблуждения» становится очень актуальным сегодня, когда мирохозяйственный режим уже, без сомнения, погрузился в новую эпоху меркантилизма (Мальцев, Чичилимов, 2025), сопровождаемую переходом к региональной глобализации (Аржаев, Турко, 2023), трампономика 2.0 прокладывает неведомые пути невиданного протекционизма, не находя теоретическую опору в базовых положениях неоклассической экономической теории (Толкачев, Анисимова, 2025), а популярный гарвардский «профессор-антрепренер» Дэни Родрик выискивает и находит весьма рациональные доводы в пользу актуальности меркантилистского наследия⁵. Поэтому позволим себе показать причины востребованности еще недавно низвергнутого в тартарары протекционизма на фоне фундаментальных провалов адептов фритредерства.

Кейс: фундаментальный провал «профессоров» в теории свободной торговли

В период расцвета глобализации «профессора» и «антрепренеры» иногда выступали совместным «концертом» в пользу политики фритредерства. Так, накануне, как оказалось впоследствии, судьбоносного одобрения США вступления Китая в ВТО в поддержку этого решения на пресс-брифинге 25 апреля 2000 г. выступили как «антрепренеры» Джин Сперлинг – директор Национального экономического совета, Мартин Бейли – председатель Совета экономических консуль-

⁵ Rodrik, D. (2025). What the mercantilists got right. Essay prepared for a volume edited by Alex Trew to commemorate the 250th anniversary of the publication of Adam Smith's "The Wealth of Nations". Harvard University, May. https://drodrik.scholar.harvard.edu/sites/scholar.harvard.edu/files/what_the_mercantilists_got_right.pdf (accessed on July 24, 2025)

тантов, Лоуренс Саммерс – министр финансов США, так и авторитетный нобелевский лауреат Роберт М. Солоу. Они прокомментировали письмо экономистов в поддержку постоянных нормальных торговых отношений с Китаем, под которым подписались 149 человек, включая 13 лауреатов Нобелевской премии, среди которых «суперпрофессора» Кеннет Эрроу, Пол Самуэльсон, Милтон Фридман и Роберт Лукас, чьи фамилии давно уже осели в любом учебнике по экономике, а также 10 бывших председателей СЭК, включая Лауру Тайсон и Мартина Фельдштайна.

Чтобы понять невероятную глубину заблуждений, на которую способны самые авторитетные «профессора» в вопросах экономической политики, приведем некоторые отрывки выступления Солоу: «Что касается экономики, то США получают гораздо больше от вступления Китая в ВТО... чем рискует потерять... И нет никаких сомнений ни у кого, будь то в экономической сфере или за ее пределами, что Китай станет крупным рынком, которому потребуется огромное количество товаров в течение очень долгого времени... Китай будет конкурировать с американцами за низкооплачиваемые рабочие места. А их рынок предоставит рабочие места для более высокооплачиваемых и квалифицированных специалистов. И это выгодная сделка для нас»⁶.

Вот так нобелевский лауреат, получивший общественное признание за вклад в изучение экономического роста на основе НТП, не смог предвидеть ухудшение того и другого для США от вступления Китая в ВТО. Этот пример наглядно показывает глубину пропасти между миром неоклассической экономической теории и реальными мирохозяйственными экономическими процессами. Правда, Китай эти годы активно развивался вполне в русле теории Солоу, наращивая вклад НТП и расширяя свой промышленный капитал, заодно вытесняя промышленный капитал США. Только сам «профессор» предсказывал иной вариант взаимоотношений экономик двух держав.

Некоторые статистические штрихи к этой хорошо известной теперь истории. За 20 лет китайский экспорт в США резко вырос: со 100 млрд долл. в 2001 г. до почти 600 млрд долл. в 2022 г. К 2024 г. китайский экспорт сократился до 480 млрд долл., но тем не менее гораздо более слабый американский экспорт в Китай привел к дефициту торгового баланса США с Китаем свыше 300 млрд долл.⁷

Объективный доклад официального Национального бюро экономических исследований (*NBER*) 2014 г., т.е. задолго до вброса Трампом повестки протекционизма, показал, что так называемые «чистые» потери рабочих мест в результате роста конкуренции со стороны импорта из Китая за период с 1999 по 2011 г. уже составили от 2,0 млн до 2,4 млн чел. Оценочные эффекты занятости более значительны на уровне местного рынка труда, что соответствует эффектам местного общего равновесия, которые усиливают влияние конкуренции со стороны импорта. Занятость в американской обрабатывающей промышленности упала с 17,2 млн чел. в 1999 г. до 11,4 млн чел. в 2011 г. (Acemoglu et al., 2014: 2).

Недавний доклад того же коллектива *NBER* установил дополнительные отрицательные последствия падения промышленной занятости в США. Торговые потрясения нанесли более сильный удар, чем ожидалось, в регионах. Местные рынки труда, специализирующиеся на отраслях обрабатывающей промышленности, столкнувшись с резким ростом конкуренции со стороны китайского импорта в 1990-х и 2000-х гг., испытали дифференцированное снижение занятости в обрабатывающей промышленности, которое не было компенсировано соразмерным ростом занятости в непромышленной сфере. Новые рабочие появляются в низкооплачиваемых отраслях сферы услуг, а сохраняющиеся промышленные работники стареют и пока не покидают рынок труда (Autor et al., 2025).

В итоге в 2024 г. Китай двукратно опережал США по доле в мировом производстве продукции обрабатывающей промышленности: на США приходилось около 16% мирового промышленного производства по сравнению с 23% в 1990 г., в то время как на Китай – 32% по сравнению с 3% в 1990 г.⁸

⁶ Press Briefing by Gene Sperling, Director of the National Economic Council, Martin Bailey, Chairman, Council of Economic Advisors, Lawrence Summers, Secretary of the Treasury and Robert M. Solow, Professor Emeritus at Massachusetts Institute of Technology. April 25, 2000. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-gene-sperling-director-the-national-economic-council-martin-bailey-chairman> (accessed on July 24, 2025)

⁷ Rechenberg, A. (2025). Trade agreements: The export myth that masked a national giveaway. July 9. <https://prosperousamerica.org/trade-agreements-the-export-myth-that-masked-a-national-giveaway/> (accessed on July 24, 2025)

⁸ Top 10 manufacturing countries in the world in 2024. August 29, 2024. <https://www.safeguardglobal.com/resources/blog/top-10-manufacturing-countries-in-the-world/> (accessed on July 24, 2025)

Коронный аргумент Солоу, что свободная торговля с Китаем принесет Америке рост высокотехнологичного экспорта, также торжественно провалился. Сальдо экспорта высокотехнологичной продукции сократилось с профицита в 38 млрд долл. в 1991 г. до дефицита в 299 млрд долл. в 2024 г. Доля экспорта высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта американской промышленной продукции снизилась с 30% в 2007 г. до 22% в 2023 г.⁹

Таковы последствия безответственных рекомендаций «профессоров» в области реальной экономической политики, приведшие США к нынешнему системному кризису.

Почему «профессора» деградируют?

Сегодня, спустя 30 лет после выхода книги Кругмана и 25 лет после данного памятного письма экономистов, можно констатировать, что «профессора» настолько утратили свой престиж, что «политические антрепренеры» уже не стремятся находить обоснование своим рекомендациям в области экономической политики в недрах экономической теории. Возможно, одной из причин бесплодия практически-прогностической функции экономической теории является, увы, банальный монополизм неоклассической экономической теории, поддерживаемый сложившимися стандартами «научности» экономических исследований в самых престижных теоретических журналах.

Хотя «деканская команда» экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Аузан и др., 2023) постаралась оспорить доминирование неоклассики в экономическом пространстве Запада, сами американские профессора не поддерживают это мнение. «Тирания» ведущих западных научных журналов, задающих сами стандарты научности, сводится, по меткому выражению профессора Массачусетского университета Джаяти Гхош, к «тривиальным занятиям», когда «слишком много ведущих научных журналов публикуют запутанные статьи, добавленная стоимость которых заключается в ослаблении одного небольшого допущения в модели или использовании немного другого эконометрического теста. Элементы, которые труднее смоделировать или которые порождают неудобную правду, просто исключаются, даже если они способствовали бы более эффективному пониманию экономической реальности» (Ghosh, 2024: 23).

Джеймс К. Гэлбрэйт в этом же ключе объясняет причины доминирования мейнстрима: «Чтобы быть “лучшим” экономистом, требуется работа на “лучших” экономических кафедрах, что, в свою очередь, требует публикации в “лучших” журналах – игольном ушке, жестко контролируемом ортодоксами»¹⁰.

Увы, доминирование неоклассики не просто очевидно, но и носит явные признаки монополизма с вытекающими отсюда проявлениями монопольной власти и «загнивания» в терминах марксистско-ленинской политэкономии. В специальном докладе *NBER* (Freeman et al., 2024) с помощью методики, обычно используемой в антимонопольных расследованиях (индекс Херфиндала – Хиршмана), установлено, что показатель концентрации Нобелевских премий по экономике в пять раз превышает аналогичные показатели по химии, физике и медицине. Лауреаты крупных экономических премий, включая Нобелевскую, в общей сложности провели половину своей карьеры всего в восьми университетах: Гарвардском, Принстонском, Стэнфордском и других известных американских университетах. Ученые, удостоенные наград в таких областях, как химия, инженерия и медицина, напротив, представляют гораздо более разнообразный спектр учреждений. Еще более тревожно то, что экономика – единственная из 18 изучаемых областей, в которой уровень концентрации лауреатов по университетам растет. Начиная с 1970 г. индекс Херфиндала – Хиршмана в экономике вырос с 280 до почти 500 пунктов, тогда как, например, в физике он упал со 190 до 100, а в медицине – со 150 до 50! (Freeman et al., 2024)

В недавнем исследовании географического распределения авторства статей в экономических и деловых журналах, опубликованных с 1980 г., обнаружены «поразительные диспропорции» (Aigner et al., 2025). Хотя западноевропейские авторы добились существенного прогресса в «гонке» за американскими учеными, представленность авторов из стран с низким уровнем дохода остается крайне низкой – на порядок ниже, чем вес их стран или регионов в мировой экономике.

⁹ DiPlacido, M. (2025). A new trade paradigm. March 14. <https://americancompass.org/a-new-trade-paradigm/> (accessed on July 24, 2025)

¹⁰ Galbraith, J.K. (2025). Economists' way out of the wilderness. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/commentary/mainstream-economists-have-lost-influence-by-clinging-to-antiquated-theories-by-james-k-galbraith-2025-01> (accessed on July 24, 2025)

В таких областях, как международная экономика или экономика развития, где можно было бы ожидать глобальной диверсификации, не наблюдалось значительного увеличения авторства из развивающихся стран. Аналогичные тенденции наблюдаются и в цитируемости: статьи авторов из США цитируются гораздо чаще, а статьи авторов из развивающихся стран – реже.

О росте концентрации и монополизме в неоклассике свидетельствует и А. Рубинштейн в рецензии на книгу Д. Родрика «Правила экономики...» (Rodrik, 2015), поддерживая мнение последнего, что экономика устроена как закрытая профессиональная гильдия, где путь к статусу авторитетного исследователя контролируется не столько качеством работы, сколько социальными связями, происхождением и аффилиацией с тем или иным учреждением. Рубинштейн приводит яркий пример: на одной из конференций (*Booth Initiative on Global Markets*) организаторы заявили о якобы «географическом разнообразии» экспертов – участников панели. На деле все 51 участник оказались из шести элитных университетов США. Такое сосредоточение власти ставит под сомнение реальный плюрализм взглядов и нарушает принципы академического равенства. Кроме того, Рубинштейн указывает на инбридинг в профессии: преподаватели топ-кафедр чаще всего сами являются выпускниками этих же вузов (Rubinstein, 2017).

Интересно отметить, что российский автор Е.В. Балацкий в том же 2017 г. выпустил полемическую статью об инбридинге в российских вузах и научных организациях, который, по его мнению, «присутствует в самых откровенных формах и огромных масштабах», и предлагал ориентироваться на практику западных университетов, где эта «болезнь» якобы отсутствует (Балацкий, 2017). Увы, как и во многих других случаях, западные стандарты перестают быть образцом подражания.

Почему экономическая наука оказалась столь подвержена монополизму? Профессор Гарварда Дэвид Деминг считает, что экономика, в отличие от точных наук, предельно отделилась от практики. Академический результат в точных науках состоит из экспериментальных результатов, которые можно объективно оценить. В этих областях ценность идеи гораздо больше связана с ее практическими последствиями, чем с предполагаемой гениальностью автора. А в экономической теории престиж, напротив, имеет больше общего с гуманитарными науками, которые являются интерпретативными, т.е. стремятся понять и объяснить аспекты человеческого опыта. Эта работа ценна, но ее гораздо сложнее оценить объективно. Субъективная природа экономической теории создает эффект ореола, в результате чего работа, написанная уважаемым ученым, по умолчанию считается блестящей. Особый пиетет перед авторитетами и эффект ореола в интерпретативных академических областях объясняют, почему их представители склонны к «снобизму и замкнутости»¹¹.

Однако помимо монополизма существуют и объективные гносеологические факторы профессиональной прострации экономической теории. Социологи Козловски и Ван Гунтен (Kozłowski, Van Gunten, 2023) поставили вопрос о причинах чрезмерной экспертной уверенности экономистов, связывая ее не только с когнитивными ошибками, но и с глубинными идеологическими установками профессионального характера. Авторы утверждают, что экономисты как эксперты часто переоценивают достоверность своих прогнозов, и эта тенденция не случайна, а является результатом системных факторов, таких как профессиональные нормы, идеологическая предвзятость, институциональное давление и дисциплинарная культура.

Нарастающие «снобизм и замкнутость» академической неоклассики уже давно поняты в политическом истеблишменте США, отвечающем за выработку экономической политики. «Профессора» уже практически не попадают на ответственные посты в администрацию президента США. Подтверждением этому является тот факт, что руководители и члены Совета экономических консультантов (СЭК) в трех последних администрациях американских президентов имели весьма отдаленное отношение к академическому истеблишменту, в отличие от традиции, установленной Дж. Кеннеди, когда во главе этого органа оказывались общепризнанные авторитеты в области экономической теории.

В первой администрации Д. Трампа в 2017–2019 гг. СЭК возглавлял Кевин Хассет, который всего лишь пять лет (1989–1994) подвизался как неполный профессор в Бизнес-школе Колумбийского университета, а основную часть своей карьеры строил как экономист-практик в ФРС, Мини-

¹¹ Deming, D. (2024). Break up big econ. The Atlantic. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/09/break-big-econ/679748/> (accessed on July 24, 2025)

стерстве финансов, Американском институте предпринимательства. Повторно придя к власти в 2025 г., Трамп назначает Кевина Хассета председателем Национального экономического совета.

Да, Сесилия Роуз, председатель СЭК в первую половину срока Дж. Байдена, выпестована в академических традициях Гарварда и всю жизнь работает в Принстоне, но, по мнению экспертов, в администрации Байдена «...экономисты и финансисты просто гораздо менее влиятельны, чем в предыдущих администрациях... нет ничего похожего на ось влияния, которую имели Саммерс, Тим Гайтнер и Питер Орсаг на заре администрации Обамы или которую имели Роберт Рубин и Саммерс в администрации Клинтона»¹². Байден не привлекал «профессоров», потому что они, опираясь на свой неоклассический багаж, не способны осмыслить новые беспрецедентные задачи типа «зеленого перехода» и амбициозной промышленной политики байденомики.

Вторую половину срока Дж. Байдена председателем СЭК являлся Джаред Бёрнстин, не входящий в состав «профессоров», ибо с 1992 г. он проработал исследователем в Институте экономической политики, занимаясь прикладными вопросами социальной политики, а также прикасался к государственной службе в министерстве финансов в администрации Б. Клинтона и служил в качестве советника в администрации Обамы¹³.

Ну а молодой Стивен Миран, назначенный Д. Трампом в 2025 г., и вовсе не имеет никаких корней в академическом мире, кроме докторской степени по экономике от Гарвардского университета. Свой практический опыт он получил в инвестиционных компаниях и пришел на пост председателя СЭК с должности главного стратега хедж-фонда *Hudson Bay Capital Management*. «Председатели СЭК обычно – это либо престижные имена, выбранные из ведущих университетов (Бен Бернанке, Джейсон Фурман, Остан Гулсби), либо давние вашингтонские функционеры (Джаред Бёрнстин), либо и то и другое. Несмотря на непродолжительную работу в Министерстве финансов в первой администрации Трампа, Миран не соответствует ни одному из этих критериев»¹⁴.

Экономическая политика «антрепренера» Мирана

Миран, не имеющий никаких оков академизма, беспредельно радикален в своих советах президенту, оправдывая гиперпротекционизм Трампа как инструмент сокращения торгового дефицита и призывая к стимулированию девальвации завышенного курса доллара для компенсации потерь США от «нечестной» конкуренции с торговыми партнерами. Но данная позиция совершенно не совпадает с его сложившимся бэкграундом экономиста либертарианского направления, который он заработал, опубликовав с 2023 г. 33 статьи соответствующей направленности в проектах с Манхэттенским университетом. Например, он разделял точку зрения Милтона Фридмана о том, что стимулирование экономики в условиях низкой безработицы приводит к инфляции, и критиковал политику Байдена именно за это – масштабные государственные расходы по программам промышленной политики в условиях, когда рост экономики начал ускоряться.

Но либертарианский «фридманизм» Мирана не помешал ему обосновать сверхжесткую регуляторику как промышленной политики, так и внешнеэкономической политики Трампа. Главной целью Мирана стало создание рамок для реструктуризации глобальной торговой системы, которая наносила серьезный ущерб США. Миран предложил принципиально иную по сравнению с байденомикой модель промышленной политики в докладе «Хрупкая и прочная реиндустриализация»¹⁵. Само употребление в этом докладе термина «промышленная политика», от которого классические консервативные республиканцы шарахаются как черт от ладана, оправдывается задачами «возвращения» производства и рабочих мест из Китая и других стран, которые использовали валютные махинации, значительно субсидируемый экспорт и другие недобросовестные методы для вторжения на чрезмерно открытые американские рынки. При-

¹² Four ways of looking at the radicalism of Joe Biden. The New York Times, April 8, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/04/08/opinion/biden-jobs-infrastructure-economy.html> (accessed on July 24, 2025)

¹³ Bernstein, J. https://ballotpedia.org/Jared_Bernstein. (accessed on July 24, 2025)

¹⁴ Shawn, T. (2025). How Stephen Miran – a Harvard-trained former free market champion – became Trump’s top ideologue on tariffs. *Fortune*, May 29. <https://fortune.com/article/who-is-stephen-miran-paper-trump-tariffs/> (accessed on July 24, 2025)

¹⁵ Miran, S. (2024). Brittle versus robust reindustrialization. Report. Manhattan Institute, February. <https://media4.manhattan-institute.org/wp-content/uploads/brittle-versus-robust-reindustrialization.pdf>. (accessed on July 24, 2025)

зная важность реиндустриализации и активных действий государства, он раскритиковал подход администрации Байдена, включая щедрые субсидии политически благоприятным секторам экономики, спрос на которые при рыночных ценах будет невелик, а также контрпродуктивные стимулы профсоюзному движению и особые экологические ограничения. Это в лучшем случае приведет к «хрупкой» форме реиндустриализации, которая оставит США уязвимыми во время второй волны деиндустриализации, как только субсидии неизбежно прекратятся.

Чтобы добиться устойчивой (прочной) реиндустриализации, он предлагает, во-первых, проводить агрессивные реформы в сфере предложения – дерегулирование для снижения издержек производства; во-вторых, инвестировать в научно-техническое образование для подготовки кадров, способных ускорить реиндустриализацию. В-третьих, увеличить расходы на закупки оборонной продукции и технологий. Военные, как он считает, лучше справятся с извечной проблемой промышленной политики – определением победителей и проигравших, – чем политические активисты и бюрократы в гражданских сферах. Промышленная политика, ориентированная на оборону, создает особенно сильные положительные экономические эффекты в виде технологического прогресса, развития исследований и разработок, а также увеличения инвестиций; кроме того, она одновременно выполняет и вторую задачу, стимулируя усилия по обеспечению национальной безопасности и реиндустриализации.

А в своей речи весной 2025 г. в институте, деятельность которого признана в нашей стране нежелательной, Миран расширил теоретическую базу для обоснования торгового протекционизма, апеллируя к вводимому концепту глобальных общественных благ, производимых США для всего мира. Данная позиция носит абсолютно радикальный контрлиберальный характер: переосмысливаются прежние устои неоклассической экономической теории в формате стратегической конкуренции, поэтому стоит остановиться на ней подробнее.

Глобальными общественными благами, с точки зрения Мирана, бессовестно потребляемыми всем миром, являются: во-первых, «зонтик безопасности», создавший величайшую эпоху мира, которую когда-либо знало человечество; во-вторых, доллары и казначейские ценные бумаги, резервные активы, которые делают возможной глобальную торговую и финансовую систему, поддерживающую эту величайшую эру процветания. Глобальная военная и долларовая инфраструктуры взаимосвязаны. Но бремя поддержания доллара как глобального блага, производимого только Америкой и потребляемого всем миром, приносит США огромные издержки и неудобства, которыми пользуются злонамеренные конкуренты. Высокий спрос на доллары в мире повышает его курс и тем самым сдерживает американское производство и экспорт, в то время как другие страны процветают, торгуя между собой, используя безопасные доллары.

Существуют и другие неприятные побочные эффекты предоставления доллара как резервного актива. Другие страны могут покупать американские финансовые активы, чтобы манипулировать своей валютой. Они вливают в экономику США столько денег, что это подпитывает экономическую уязвимость и кризисы. Например, в период, предшествовавший краху 2008 г., Китай, наряду со многими иностранными финансовыми институтами, увеличивал свои вложения в ипотечные кредиты США, что способствовало раздуванию пузыря на рынке жилья. Тем самым Китай обвинен Мираном и в возникновении мирового финансового кризиса 2008 г., помимо его «нечестного» превращения в промышленного гиганта.

Миран предлагает восстановить справедливость за счет распределения бремени финансирования глобальных общественных благ по всем странам мира несколькими способами. Другие страны могут:

- во-первых, без ответных мер принять пошлины на свой экспорт в США, обеспечивая поступления в Казначейство США для финансирования предоставления общественных благ;
- во-вторых, положить конец своей несправедливой и вредоносной торговой практике, открыв свои рынки и увеличив закупки в Америке;
- в-третьих, увеличить расходы на оборону и закупки военной продукции в США, снимая нагрузку с американских военнослужащих и создавая рабочие места в Америке;
- в-четвертых, инвестировать в строительство заводов в Америке, чтобы освободиться от тарифов на экспорт;

- в-пятых, просто выписывать чеки Казначейству, которые помогут США финансировать глобальные общественные блага.

Последнее предложение абсолютно беспрецедентно и цинично, поскольку означает введение сбора на долларовые резервы: крупные иностранные держатели государственных облигаций США должны в той или иной форме (например, через снижение долгового процента) платить комиссию за использование доллара, чтобы «компенсировать» вред для американской экономики, вызванный этой «силой» доллара. То есть иностранцы должны еще раз заплатить за хорошо известные «бесплатные завтраки» США, оплату импорта эмиссией доллара, поскольку Америка настолько поправилась от «обжорства» (кстати, во всех смыслах слова, включая самый буквальный), что утрачивает возможности конкурировать с другими нациями.

Фантазмагория этого механизма регулирования настолько запредельна, что Миран маскирует его элегантными финансовыми схемами. В докладе «Руководство по реструктуризации глобальной торговой системы»¹⁶ он предложил грандиозный пакт, согласно которому основные торговые партнеры Америки совместно соглашаются постепенно распродавать свои многотриллионные долларовые резервы. Эта кампания снизит стоимость доллара, улучшит торговый баланс США. А чтобы предотвратить резкий рост процентных ставок в США, по мере того как иностранные государства избавляются от казначейских облигаций, сделка потребует от них перевести значительную часть того, что они сохраняют, в 100-летние облигации федерального долга США со сроком погашения в далеком будущем.

Данную грандиозную концепцию Миран называет «Соглашение Мар-а-Лаго», приравнивая ее к предыдущим эпохальным глобальным соглашениям, обновившим мировой экономический порядок: Бреттон-Вудскому соглашению 1944 г., которое установило стабильную послевоенную систему, привязав основные валюты к золотому стандарту, и к «Соглашению Плаза» 1985 г., где страны «Большой пятерки» – США, Япония, Западная Германия, Франция и Великобритания – разработали успешную совместную программу девальвации тогда сильно переоцененного доллара.

Однако поскольку сам Д. Трамп непоследователен в своей валютной политике – то он ругает сильный доллар за обременение промышленности США, то он вновь выступает за сильный доллар и грозит странам БРИКС 100-процентными пошлинами за отказ от доллара в расчетах, – Миран отступает, признавая, что, если Трамп все-таки склоняется к «резервному статусу доллара», США останутся при своей чрезмерно дорогой валюте – главном источнике хронических торговых проблем.

Совершенно неудивительно, что «профессора» академического истеблишмента крайне негативно оценивают логику рассуждений и траекторию экономической политики С. Мирана. Ларри Саммерс, министр финансов при Билле Клинтоне и главный советник Барака Обамы, раскритиковал «Соглашение Мар-а-Лаго» во всех его проявлениях, назвав его «странным, нарциссически самонадеянным, а не серьезным подходом к политике, который могли бы поддержать другие страны»¹⁷. Профессор Гарварда и бывший главный экономист Международного валютного фонда Кеннет Рогофф¹⁸ видит ошибочность исходной логической посылки Мирана о резервном статусе доллара как причине дефицита торгового баланса США. С одной стороны, это правильно, так как иностранцы предъявляют спрос на доллары, покупая казначейские облигации. С другой стороны, иностранцы могут сокращать спрос на иные американские активы, если им просто нужно накопить казначейские векселя, и не обязательно иметь профицит торгового баланса для их получения. Необходимые средства также можно получить, продав имеющиеся зарубежные активы, такие как акции, недвижимость и заводы. Например, азиатские центральные банки держат казначейские векселя на триллионы долларов, используя их для стабилизации обменных курсов и поддержания финансового буфера на случай кризиса. Они, как правило, избегают других видов американских активов, таких как акции и недвижимость, поскольку они не служат тем же политическим целям.

¹⁶ Miran, S. (2024). A user's guide to restructuring the global trading system. Hudson Bay Capital, November. https://www.hudsonbaycapital.com/documents/FG/hudsonbay/research/638199_A_Users_Guide_to_Restructuring_the_Global_Trading_System.pdf (accessed on July 24, 2025)

¹⁷ Shawn, T. (2025). How Stephen Miran – a Harvard-trained former free market champion – became Trump's top ideologue on tariffs. Fortune. May, 29. <https://fortune.com/article/who-is-stephen-miran-paper-trump-tariffs/> (accessed on July 24, 2025)

¹⁸ Rogoff, K. (2025). Trump's misguided plan to weaken the dollar. Project Syndicate, May 6. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-administration-mar-a-lago-plan-to-weaken-dollar-is-deeply-flawed-by-kenneth-rogooff-2025-05> (accessed on July 24, 2025)

Нельзя забывать, что по статистике национальных счетов профицит текущего счета страны равен разнице между национальными сбережениями и инвестициями как государственного, так и частного сектора. Отсюда следует хорошо известная причина хронического дефицита текущего счета США – низкие сбережения и дефицит государственного бюджета. Рогофф напоминает, что в 2024 г. бюджетный дефицит США составил 6,4% ВВП, что значительно превышает дефицит текущего счета (менее 4% ВВП). Сокращение бюджетного дефицита вместе с повышением (не снижением) нормы сбережения населения теоретически может привести к решению проблемы отрицательного текущего счета.

Наконец, Рогофф считает, что другим ключевым фактором дефицита текущего счета является сила динамичной американской экономики. Это сделало американские компании особенно привлекательными для инвесторов, привело к притоку иностранного капитала, укрепляя доллар и усугубляя проблемы американского экспорта.

Разумеется, профессор Рогофф прав в иллюстрации базовых схем национальных счетов, но вся проблема, решаемая экономической политикой Трампа, состоит в выборе инструментария, адекватного создаваемому постглобалистскому миропорядку с отчаянной попыткой удержать американское лидерство на фоне уже сформировавшегося китайского промышленного доминирования. Поэтому Миран отстаивает политику решения накопившихся макроэкономических проблем США не за счет внутренних структурных маневров, каковым является практически неосуществимое сокращение бюджетного дефицита, а за счет внешнего мира, конструируя схемы насильственного улучшения текущего счета США в виде вышеописанных пяти способов финансирования глобальных общественных благ. Брутальная идеологическая «неэкономичность» этого курса в глазах «профессоров» на самом деле может иметь серьезные объективные основания.

Выводы

Итак, переосмысление роли идеологии как в эпистемологической структуре самой экономической теории, так и применительно к ее функции апологии экономической политики заставляет пересматривать и курс экономических реформ Д. Трампа с концептуальной поддержкой С. Мирана. И «тарифный терроризм», и другие политические методы давления на страны-конкуренты нельзя рассматривать как отступление от неких незыблемых просвещенных основ экономической мудрости, наработанных в неоклассической школе и свободных от идеологических искажений. Трампономика 2.0, опираясь на преобладающий среди элит и народных масс консенсус о необходимости возрождения промышленности США, представляет собой экономическую политику, имеющую концептуальную основу внутри системы власти, интересов и идеологий.

Нам представляется, что ключевой запрос на такую политику исходит от формирующегося элитного слоя «индустриальных цифровиков» – достаточно молодых миллиардеров, вышедших из цифрового бизнеса, но осознавших исчерпанность информационных технологий как локомотива развития. В соответствии с закономерностями циклического технологического и мирохозяйственного развития мир вступает в фазу лидирующей роли новых индустриальных технологий, развивающихся на цифровой основе. Индустриальные цифровики, выросшие на технологиях социальных платформ и искусственного интеллекта, осознав бесперспективность данного «постиндустриального» вектора развития на фоне промышленных успехов Китая, в последние годы выбрали стратегический курс на возрождение реального сектора американской экономики. Правда, этот эпохальный переход невозможен без перехвата у ФРС «печатного станка» как магического источника экономической власти, так что пока индустриальные цифровики рассчитывают на криптовалюты, привязанные к доллару, как на часть своей стратегии по перестройке глобальной денежной системы¹⁹.

Данный новый элитный слой, выдвинув Д. Трампа в качестве фронтмена и С. Мирана на роль «кризисного антрепренера» трампономики, менее всего озабочен «правильным» восприятием нового курса со стороны «профессоров» и «антрепренеров» старого мирового порядка. Первые сейчас пребывают в интеллектуальной прострации, поскольку не могут найти сколь-нибудь

¹⁹ Varoufakis, Y. (2025). Trump wants big tech to own the dollar. Project Syndicate, May 29. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-wants-private-stablecoins-to-replace-dollar-by-yanis-varoufakis-2025-05> (accessed on July 24, 2025)

адекватное объяснение «экономического безумия» Трампа в научном святилище неоклассического мейнстрима, переполненного наукообразными по форме, но идеологическими по сути штампами о рыночном саморегулировании и свободной торговле. Тяжелый бульдозер трампономики таранит обветшалое здание неоклассического мейнстрима, заодно пытаясь найти обоснование своей беспрецедентно антиглобалистской экономической политике в подзабытом наследии экономической мысли гетеродоксального характера. Но кто знает, может быть, через некоторое время после завершения формирования нового мирового порядка прогрессивное сообщество «профессоров» выплавит из нынешнего сумбурного набора доктрин и концепций мечущейся экономической политики «антрепренеров» стройную теорию, которая станет новым ортодоксальным мейнстримом науки?

Литература / References

- Аржаев Ф.И., Турко В.А. (2023). Формирование интеграционных ядер как новое направление глобализации: азиатское и латиноамериканское ядра. *Финансы: теория и практика* 27(4), 173–183. [Arzhaev, F., Turko, V. (2023). Formation of integration cores as a new direction of globalization: Asian and Latin American cores. *Finance: Theory and Practice* 27(4), 173–183 (in Russian)]. DOI: 10.26794/25875671-2023-27-4-173-183
- Аузан А.А., Мальцев А.А., Курдин А.А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. *Вопросы экономики* (10), 5–26. [Auzan, A., Maltsev, A., Kurdin, A. (2023). Russian economic education: Image of the near future. *Voprosy Ekonomiki* (10), 5–26 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-5-26
- Балацкий Е.В. (2017). Регулирование карьеры научных кадров: зарубежный опыт. *Управление наукой и наукометрия* 26(4), 48–65. [Balatsky, E. (2017). Scientific staff career regulation: Foreign experience. *Science Management and Scientometrics* 26(4), 48–65 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к соционимике. *Социальное пространство* 8(4), 1–19. [Balatsky, E. (2022). New imperatives of economic knowledge: towards socionomics. *Social Space* 8(4), 1–19 (in Russian)]. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.2
- Глазьев С.Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов. *AlterEconomics* 19(1), 93–115. [Glazyev, S. (2022). Global transformation through the prism of changing technological and world economic patterns. *AlterEconomics* 19(1), 93–115 (in Russian)]. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6
- Левин С.Н., Саблин К.С. (2024). Методологические и теоретические подходы к изучению взаимосвязи политики и экономики. *Journal of Institutional Studies* 16(4), 24–41. [Levin, S., Sablin, K. (2024). Methodological and Theoretical approaches to the study of relationship between politics and economics. *Journal of Institutional Studies* 16(4), 24–41 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.024-041
- Мальцев А., Чичилимов С. (2025). Укоренение неопротекционизма в мировой экономике XXI века. *Мировая экономика и международные отношения* 69(4), 5–14. [Maltsev, A., Chichilimov, S. (2025). Entrenchment of neoprotectionism in global economy. *World Economy and International Relations* 69(4), 5–14 (in Russian)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-4-5-14
- Панова Г.С., Ларионова И.В. (2023). Финансы в России и мире: концептуальные аспекты. *Финансы: теория и практика* 27(3), 105–114. [Panova, G., Larionova, I. (2023). Finance in Russia and the world: Conceptual aspects. *Finance: Theory and Practice* 27(3), 105–114 (in Russian)]. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-3-105-114
- Петухов В.А. (2025). Гипотеза о другой природе кривой Филлипса и ее влияние на финансовые потоки. *Финансы: теория и практика* 29(3), 207–217. [Petukhov, V. (2025). The hypothesis of a different nature of the Phillips curve and its impact on financial flows. *Finance: Theory and Practice* 29(3), 207–217 (in Russian)]. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-207-217

- Толкачев С.А. (2023). Противоречия политической экономики «байденномики». *Вопросы политической экономики* (4), 55–75. [Tolkachev, S. (2023). Contradictions of the political economy of 'bidenomics'. *Problems of Political Economy* (4), 55–75 (in Russian)]. DOI: 10.5281/zenodo.10431115
- Толкачев С.А., Анисимова А.И. (2025). Трампономика 2.0 как политическая экономия национального развития в эпоху глобальной трансформации. *Российский экономический журнал* (3), 30–51. [Tolkachev, S., Anisimova, A. (2025). Trumponomics 2.0 as a political economy of national development in the era of global transformations. *Russian Economic Journal* (3), 30–51 (in Russian)]. DOI: 10.52210/0130-9757_2025_3_30
- Толкачев С.А. (2024). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus* **22**(3), 6–20. [Tolkachev, S. (2024). The cyclical nature of transformations in economic orthodoxy. *Terra Economicus* **22**(3), 6–20 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20
- Ядгаров Я.С., Орлова Д.Р. (2024). Преодоление ортодоксии в экономической науке: теоретико-методологические аспекты. *Terra Economicus* **22**(4), 50–61. [Yadgarov, Ya., Orlova, D. (2024). Overcoming orthodoxy in Economics: Theoretical and methodological aspects. *Terra Economicus* **22**(4), 50–61 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-202422-4-50-61
- Ядгаров Я.С., Орлова Д.Р. (2022). Векторы, этапы и проблемы формирования неортодоксальных оснований экономической науки. *Финансы: теория и практика*. **26**(4), 245–266. [Yadgarov, Ya., Orlova, D. (2022). Vectors, stages and problems of nonorthodoxal foundations of economic science formation. *Finance: Theory and Practice* **26**(4), 245–266 (in Russian)]. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-4-245-266
- Acemoglu, D., Autor, D., Dorn, D., Hanson, G., Price, B. (2014). *Import competition and the great U.S. employment sag of the 2000s*. NBER Working Paper № 20395, <http://www.nber.org/papers/w20395> (accessed on July 24, 2025)
- Aigner, E., Greenspon, J., Rodrik, D. (2025). The global distribution of authorship in economics journals. *World Development* **189**, article 106926, 1–18. DOI: 10.1016/j.worlddev.2025.106926
- Austin, D., Wilcox, N. (2007). Ideology and positive economic beliefs: Some experimental and survey evidence. *Global Business and Economics Review* **9**(2-3), 271–285. DOI: 10.1504/GBER.2007.013705
- Autor, D., Dorn, D., Hanson, G., Jones, M., Setzler, B. (2025). *Places versus people: The ins and outs of labor market adjustment to globalization*. NBER Working Paper № 33424. <http://www.nber.org/papers/w33424> (accessed on July 24, 2025)
- Cohen, S., DeLong, B. (2016). *Concrete Economics: The Hamilton Approach to Economic Growth and Policy*. Harvard Business Review Press.
- Dodd, R. (1994). Peddling Prosperity by Paul Krugman. *Challenge* **37**(5), 62–64. DOI: 10.1080/05775132.1994.11471776
- Field, A. (2017). Ideology, economic policy, and economic history: Cohen and DeLong's "Concrete Economics". *Journal of Economic Literature* **55**(4), 1526–1555. DOI: 10.1257/jel.20161442
- Freeman, R., Xie, D., Zhang, H., Zhou, H. (2024). High and rising institutional concentration of award-winning economists. *NBER Conference SI 2024 Science of Science Funding, July 18, 2024*. https://conference.nber.org/conf_papers/f204525.pdf (accessed on July 24, 2025)
- Galbraith, J.K. (1981). The conservative onslaught. *New York Review of Books* (27), 30–35.
- Ghosh, J. (2024). Why and How Economics Must Change. *Finance & Development* **61**(1), 22–23.
- James, M. (1995). Policy entrepreneurs vs the professors: Paul Krugman, "Peddling Prosperity: Economic Sense and Nonsense in the Age of Diminished Expectations", Norton, New York, 1994. *Agenda – A Journal of Policy Analysis and Reform* **2**(1), 113–115. DOI: 10.22459/AG.02.01.1995
- Jo, T.-H. (2022). Heterodox economics and ideology. In: Chester, L., Jo, T.-H. (eds.) *Heterodox Economics: Legacy and Prospects* (pp. 204–251). Bristol: World Economics Association Books.

- Kozłowski, A., Van Gunten, T. (2023). Are economists overconfident? Ideology and uncertainty in expert opinion. *The British Journal of Sociology* **74**(3), 476–500. DOI: 10.1111/1468-4446.13001
- Krugman, P. (1994). *Peddling Prosperity: Economic Sense and Nonsense in the Age of Diminished Expectations*. N.Y.: W.W. Norton.
- Krugman, P. (2007). *The Conscience of a Liberal*. N.Y.: W.W. Norton.
- Mankiw, G. (2006). The macroeconomist as scientist and engineer. *Journal of Economic Perspectives* **20**(4), 29–46.
- Rodrik, D. (2006). Goodbye Washington Consensus, hello Washington Confusion? A review of the World Bank's economic growth in the 1990s: Learning from a decade of reform. *Journal of Economic Literature* **44**(4), 973–987.
- Rodrik, D. (2015). *Economics Rules: The Rights and Wrongs of The Dismal Science*. N.Y.: W.W. Norton.
- Rodrik, D. (2024). Reimagining the global economic order. *Review of Keynesian Economics* **12**(3), 396–407. DOI: 10.4337/roke.2024.03.09
- Rubinstein, A. (2017). Comments on economic models, economics, and economists: remarks on economics rules by Dani Rodrik. *Journal of Economic Literature* **55**(1), 162–172. DOI: 10.1257/jel.20161408
- Sturn, R. (2022). Ideology, power, and progress: Economics and its dilemmas. *Acta Oeconomica* **72**(1), 81–105. DOI: 10.1556/032.2022.00020
- Williamson, J. (2000). What should the world bank think about the Washington consensus? *The World Bank Research Observer* **15**(2), 251–264.